

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

РАБОТА Д. С. Лихачева
«Заметки о русском» была опубликована в журнале «Новый мир», а потом в расширенном виде — в издательстве «Советская Россия» (Москва, 1981).

Книга Д. С. Лихачева связана с циклом его работ — и тех, которые вобрали в себя его огромный опыт исследователя древнерусской литературы и искусства Руси, и тех, где отражался его опыт литературоведа, внимательно и пылливо обращающегося в своей практике к творчеству Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского.

Но книга Д. С. Лихачева — не книга о прошлом, эта работа — активное вторжение и в литературные процессы, и в процессы самой жизни. Она поражает масштабами исследования и в то же время глубоко личным отношением к теме. На такую книгу надо иметь право, и один из крупнейших современных русских ученых Д. С. Лихачев это право имеет. «У России, как у большого дерева, большая корневая система и большая листовая крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев. Мы не знаем о себе самых простых вещей. И не думаем об этих простых вещах, — с горечью пишет ученый. — Я собрал у себя различные заметки, делавшиеся мной по разному поводу, но все на одну тему — о русском, и решил их предложить читателю».

Глава за главой идет вторжение в мир русского национального характера.

«Природа, родник, родина, просто доброта», «Природа и доброта», «Просторы и пространства» — это главы, по-разному раскрывающие аспект исследования. И в каждой — находки, открытия, открытия: «Что такое воля вольная, хорошо определено в русских лирических песнях...»

Русское понятие храбрости — это удал, а удал — это храбрость в широком движении. Это храбрость, умноженная на простор для выявления этой храбрости».

Автор опирался на песни и былины. Это не удивляет. Но достойно почитательного удивления его умение найти и привлечь столь редкий материал, как материал «скомошина», всего фольклора иронического, столь характерного для Руси, сложный мир высокой философской мудрости, русской народной сатиры.

Естествен и органичен переход к русской пейзажной живописи: размышления о том, что нет в русской природе вечных, неизменных в разные времена года объектов, все непостоянно по окраске и состоянию — то это

своеобразная «графика» зимы, то живопись праздничного лета. Разнообразнейший по насыщенности и цвету осенний лес. И вода, принимающая на себя окраску неба и берегов, и снег — вечное движение в пределах суток и лет.

Органичны размышления о русской живописи, начиная с Венецианова и Мартынова. Чрезвычайно интересны наблюдения, что, оказавшись за рубежом, русские

точкой зрения на культуру Древней Руси как отсталую и замкнутую в себе. Автор пишет: «Если исходить из современных представлений о высоте культуры, признаки отсталости Древней Руси действительно были, но, как неожиданно обнаружилось в XX веке, они сочетались в Древней Руси с ценностями самого высокого порядка — в зодчестве, иконописи и стенописи, в декоративном искусстве, в шитье, а теперь стало

нул рукой, — что ни песня, то кровь, кровь, убийства...».

Сила таких книг, как «Жизнь Климата Самгина» М. Горького или «Страна Нагри» Египте Чаренца, или знаменитых романов И. Ильфа и Е. Петрова, как раз в презрении, в ненависти к национализму. Мне приходилось читать сочинения националистов разных «систем» — до чего тоскливо однообразны и примитивны они в своем стремлении за-

Патриотизм — это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство — это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхличные цели.

Национализм же — это подлейшее из несчастий человеческого рода. Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов».

Исключительно важны рассуждения Д. С. Лихачева о концепции русского человека у Достоевского с его безудержностью, метаниями из одной крайности в другую, с его «интеллектуальной истерикой» и т. д., и т. п. Ученый задает вопрос: «А откуда вообще взято мнение, что такова концепция русского человека у Достоевского?» И, полемизируя с философами, отождествляющими мировоззрение Достоевского и его героев, пишет: «Русские люди вроде Мити Карамазова, конечно, были в русской действительности, но идеалом русского человека для Достоевского был Пушкин. Об этом он твердо и ясно заявил в своей знаменитой речи о Пушкине. Для Достоевского русский человек прежде всего «всеевропеец» — человек, для которого родная и близкая всеевропейская культура. Следовательно, русский для Достоевского — человек высокого интеллекта, высоких духовных запросов, приемлющий все европейские культуры, всю историю Европы и вовсе внутренне не противоречивый и не такой уж загадочный».

Если для Достоевского идеалом русского был гений, и при всем этом такой гений, как Пушкин, так ведь это и понятно: самое ценное в народе — в его вершинах».

Я с восхищением наталкиваюсь на эти положения, решительно ломающие устоявшиеся стереотипы.

Книга Д. С. Лихачева вышла в канун его семидесятилетия. Эта книга ломает не только обветшалые представления о серьезных проблемах. Она ломает и привычный штамп, по которому считается, что человек с возрастом все дальше уходит от острых вопросов современности.

«Заметки о русском» — очень современная, очень активная и очень молодая книга.

Д.М. МОЛДАВСКИЙ.
ЛЕНИНГРАД.

ДУХОВНАЯ СИЛА НАРОДА

РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД КНИГОЙ Д. ЛИХАЧЕВА
«ЗАМЕТКИ О РУССКОМ»

художники искали в своих пейзажах эти изменчивые черты времени года или дня — здесь исследователь называет имя Сильвестра Щедрина. И далее — о живописи Васильева, о творчестве Левитана. Закономерны мысли «о русских чертах Клода Моне», закономерны и рассуждения о том, что национальные особенности — «это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других. Национальные особенности сближают людей, заинтересовывают людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе. Народы — это не окруженные стенами общества, а гармонично согласованные между собой ассоциации».

Очень интересно в связи с этим наблюдение над грузинской темой в русской поэзии, рассуждения об армянской живописи и об интересе русских мастеров к этой стране.

Но книга Д. С. Лихачева не только констатация существующего — это страстный призыв, призыв сохранить единство народа, природы и культуры: «Сохранить разнообразие наших городов и сел, сохранить в них историческую память, их общее национально-историческое своеобразие — одна из важнейших задач наших градостроителей. Вся страна — это грандиозный культурный ансамбль. Он должен быть сохранен в своем поразительном богатстве. Воспитывает не только историческая память в своем городе и в своем селе — воспитывает человека его страна в ее целом».

Д. С. Лихачев в книге «Заметки о русском» пишет то, чего касался во многих своих работах: он полемизирует с

еще яснее: и в древнерусской хоровой музыке и в древнерусской литературе, — пишет Д. С. Лихачев. — Не вернее ли думать, что те области, где эта отсталость замечается, просто менее характерны для культуры Древней Руси и не по ним следует о ней судить?»

Об этом не мешает подумать тем, кто готов легко и просто начинать каждый новый этап развития литературы и искусства как бы до него ничего и не было, будто бы и впрямь восемнадцатый век возник без литературы предшествующих столетий, советская литература без того, что создавалось в конце девятнадцатого века или в начале двадцатого, и т. д.

Был период, когда некоторые литературоведы и искусствоведы вопрос о национальном характере пытались отодвинуть на задний план как нечто противостоящее разработке проблемы интернационального. Это были несостоятельные попытки. И всякий человек, занимающийся народным творчеством или русской литературой, или живописью, не может не отметить особые неповторимые черты национального характера — гуманизм, доброту, величественный размах и т. д. Есть они во всех видах искусства, есть и в народном эпосе. Хорошо помню, как вскоре после войны Всеволод Вишневский заговорил со мной о русских былинах. «Обратите внимание, — сказал он, — в каком еще эпосе герой побеждает врага и, сказав ему: «Иди, мол, соловей-разбойник, полно тебе слезить отцов-матерей, полно вдовить жен», дает врагу подзатыльника и отпускает его на все четыре стороны. А у них, — он выразительно мах-

держат ход истории, в своей бесстыдной подтасовке фактов, в своей ненависти к прогрессу и в конечном счете к революции! Когда-то, разговаривая с весьма «интеллектуальным» французом, я поразился, с какой легкостью он «записал» во французскую культуру и Герцена, и Тургенева, и многих великих писателей России. Еще бы — они жили во Франции, они дружили с французскими писателями, они прекрасно знали французскую культуру! До остального ему не было дела!

Я держал в руках и брошюрку фашистского «теоретика», решительно «вытаскивающего» из германской культуры Гейне, Эйхштейна, Брехта... Но и хищнически «широкая позиция» первого, и тупая узость второго вызвали одни и те же ассоциации и мысли.

Точны и значительны рассуждения ученого и патриота о национализме. Точность анализа приводит автора к насыщенным и афористичным формулам. Он пишет:

«Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь сам духовно. Национализм же, отгораживаясь стеной от других культур, губит свою собственную культуру, иссушает ее». Ученый утверждает тезис о том, что «культура должна быть открытой». Умно и точно говорит он: «Культура — это как бы неразменный рубль: расплачиваясь этим рублем, а он все у тебя в кармане, и даже, глядишь, денег становится больше».

По-сказочному афористично и точно. И далее: «Несмотря на все уроки XX века, мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро.